

Литература

1. Бондарко А. В. Звуковой строй современного русского языка. – М., 1977.
2. Ганькина М. В., Шевченко Т. И. Возрастные этапы становления интонационной нормы южно-английского произношения // Коммуникативная функция единиц сегментного и супraseгментного уровней: Сб. науч. тр. – М., 1988. – Вып. 321. – С. 132–137.
3. Зиндер А. Р. Общая фонетика. – М., 1979.
4. Зиновьева Т. И. Работа над интонацией в период обучения грамоте: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1995.
5. Ломизов А. Ф. Выразительное чтение при изучении синтаксиса и пунктуации. – М., 1968.
6. Найденов Б. С. Выразительность речи и чтения. – М., 1969.
7. Первензенцева О. А. Построение просодической модели структурной организации речевого акта в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996.
8. Речевое развитие младших школьников // Сб. ст. под ред. Н. С. Рождественского. – М., 1970.
9. Сафронова Е. Г. Лингвометодическая концепция обучения русской интонации филологов-иностранцев: Автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.
10. Светозарова Н. Д. Реализация мелодических типов в словах различной ритмической структуры // Иностранные языки в школе. – 1970. – № 3. – С. 20–28.
11. Станиславский К. С. Собр. соч. в 9 т. Работа актера над собой. – М., 1990. – Т. 3.
12. Черемисина Н. В. Законы и правила русской интонации – М., 1999.

В. В. Осетров

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИВАНА ИЛЬИНА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ» В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена основаниям педагогики семьи в философском творчестве И. А. Ильина. Педагогическая составляющая его творчества заключается в обращении к проблемам духовного воспитания ребенка. Семья воспитывает любовь и веру, которые являются краеугольными камнями во всей будущей жизни человека.

В статье также рассматриваются вопросы преподавания студентам высшей школы проблем философско-педагогического творчества и других выдающихся отечественных и зарубежных философов.

Специфика обучения студентов-культурологов состоит в том, что, имея глубокие общепедагогические корни, оно находится в стадии становления как профессионально-культурологическое направление. Этим, очевидно, объясняется, что важность определения специфики подготовки специалиста-культуролога в соответствии с современными требованиями профессиональной и личностной компетентности осознается еще не всеми участниками педагогического процесса.

В ходе опытно-поисковой и исследовательской работы по формированию интегрированного блока дисциплин предметной подготовки студентов-культурологов в педагогическом вузе (1999–2007 гг.) были определены принципы данного формирования.

Цикл авторских курсов «Теория культуры», «Философия культуры», «История культурологической мысли» основан на принципах системного подхода, единства и преемственности преподавания дисциплин предметной подготовки для студентов-культурологов.

«Теория культуры» закладывает основы работы с понятийным аппаратом. Выделяются важнейшие категории и ключевые понятия. Определяются основные концепции и феномены культуры (миф, религия, наука и искусство). Выявляется специфика представлений о пространстве и времени культуры, диалоге в культуре и т. д. Освещаются проблемы современной культуры.

«Философия культуры» продолжает обсуждение важнейших проблем культуры через призму философских взглядов отечественных и зарубежных философов (Чаадаева, Соловьева, Леонтьева, Шестова, Бердяева, Розанова, Карсавина, Ницше, Бергсона, Хайдеггера, Шопенгауэра, Маркузе, Маритена и др.), выявляя единство через многообразие, общность через различия.

«История культурологической мысли» посвящена историческому обзору различных эпох в контексте проблем культуры, выделению важнейших направлений и школ в культурологии, рассмотрению частных концепций культуры, не освещенных в курсах «Теория культуры» и «Философия культуры».

Изучение творчества И. А. Ильина студентами-культурологами в педагогическом вузе связано с поиском фигур философов и культурологов, дающих возможность выявить преемственность курса «Философия культуры» с курсами «Теория культуры» и «История культурологической мысли». Обращение к личности И. А. Ильина, наряду с Ф. Ницше, В. С. Соловьевым и другими философами, обосновано тем, что в его творческом наследии присутствуют почти все основные темы, изучающиеся в названных курсах. Творческое наследие И. А. Ильина дает основания для построения целостной системы преподаваемых курсов.

Философская эстетика Ильина строится на трехчленном делении мира: Слово – Образ – Идеал. Эти составляющие, по мнению русского философа, яв-

ляются тканью мира. Исходя из этого, мы предлагаем и принцип построения преподаваемых дисциплин:

Личность и наследие Ивана Александровича Ильина в последнее время привлекают все более пристальное внимание как средств массовой информации, так и профессиональных философов. Творчество Ильина используется для подтверждения концепций разного толка, от политической области (чему он дал немалые основания) до теологической. Пришло время отдать должное и философско-педагогической части наследия одного из самых интересных русских философов XX в.

В книге «Поющее сердце», обращенной к сыну, Ильин пишет о необходимости *любви* – главной скрепляющей силы в отношениях между людьми. Интересен парадоксальный, с точки зрения современного человека, взгляд на взаимоисключенность состояния любви и требования «механической справедливости» в отношениях между людьми. Парадоксален он только на первый взгляд, так как Ильин не приемлет понимания справедливости как бездумного равенства. Для него высшая справедливость – это признание изначального неравенства людей, и любовь проявляется в принятии этого неравенства способностей, положения и пола.

Сегодня мы все больше утверждаемся во мнении, что есть два пути развития современной культуры – путь «очеловечения» и путь «расчеловечения».

Очень современно звучат слова Иоанна Кронштадтского: «Знать не хотят, да и верить не желают; верят только в себя. Ломать и разорять все готовы... созидать ничего не хотят, да и не умеют и не могут. Хотят лишить святой, спасительной веры и церкви народ русский и вместо нее навязать ему свой бред, выдумки своего темного ума, хотят вырвать у русского человека его лучшее неоценное сокровище – древлепреданную веру, служившую ему оплотом и утешением во всех бедах, напастях и скорбях – и усиливаются навязать ему безверие и безначалие, лишить его всякой почвы и основы под ногами» [7, с. 523].

Невозможно говорить об этом, не осознавая, что нет современного человека, в той или иной мере не приходящего к проблеме понимания веры. Безусловно, что творчество И. А. Ильина (концептуальные работы «Путь духовного обновления», «Основы христианской культуры», «Аксиомы религиозного опыта» и др.), размышлявшего о месте религии и веры в жизни как отдельного чело-

века, так и народа, в значительной мере посвящено тому влиянию, которое оказывает национальная культура на становление и воспитание веры у ребенка. Для Ильина область веры – это «внутренний, духовный опыт» человека, являющийся одновременно и источником всякой подлинной культуры.

Любопытно сравнение понимания веры у немецкого протестанта-теолога Пауля Тиллиха и у русского православного религиозного философа Сергея Булгакова. Вера для Тиллиха – «это состояние предельной заинтересованности» [8, с. 133], это некоторый путь, движение «к», попытка достичь (при этом не обязательно Бога). Вера для Булгакова – это знание, момент достижения, это уже обретение, обладание знанием «о», это знание абсолютно полное, убедительное и откровенное, прежде всего знание о Боге, полученное от самого Бога [1, с. 27–29]. Вера у Тиллиха – «я хочу знать, что есть Бог», вера у Булгакова – «я знаю, что Бог есть!». В первом случае мы имеем движение и стремление, подстегнутое любопытством, во втором – жизнь, стремящуюся соответствовать постигнутому совершенству. Первый вариант – это жизнь, сравнимая с приключением, второй – с подвигом. В первом много от доверия, но доверие слишком зыбкое основание, чтобы на нем строить свою жизнь: сегодня я доверяю одному, завтра – другому, послезавтра – третьему... Во втором случае, есть признание и уважение к опыту других людей, к знанию других о Боге, появляется возможность объединения, поле совместной трудной работы по совершенствованию себя. В конце концов, доверие – это то, что существует до веры, это перекалывание ответственности за знание о чем-либо на другого (на человека, обладающего авторитетом либо знанием, на книгу – в общем, нечто стороннее): «Я сам не знаю, а вот мои родители (учебники, философские или богословские трактаты, сосед, наконец) знают, что...». Такой «доверчивый» сегодня – православный, завтра – кришнаит, а послезавтра – правоверный мусульманин или буддист. Потому что есть интерес, а знаний и убеждений (веры) нет. Первый путь может привести к эгоизму и индивидуализму (Я иду к Богу, обретаю его, стремлюсь обладать им, кричу всем: «Идите ко мне, следуйте за мной, учитесь у меня – Я узнал, что есть Бог, Я совершенен!»); второй ведет к соборному пониманию необходимости быть вместе, помогать друг другу преодолеть свое несовершенство.

Можно возразить, что есть и другие понимания веры. Студенты очень часто бросаются в крайности – от безграничного доверия до полного нигилизма по отношению к изучаемым философским концепциям культуры различных авторов. Пожалуй, только уповая на укрепленный в вере ум (в самых разных пониманиях веры), можно братья сегодня за преподавание многих учебных дисциплин, особенно философского и культурологического цикла.

Центр западной философии – в критике: чтобы создать новое, надо разрушить, подвергнуть уничижительной критике старое. Старое – это бывшее, отжившее, мешающее жить. Его надо оставить позади, преодолеть. Только

рождающееся лучше того, что, наверное, уже умирает. Молодость лучше, чем старость. Внуки умнее дедов. Традиция признается, но как архаика, как миф, как нечто, что мы признаем, но вряд ли соблюдаем в ее полноте. И не случайно именно на Западе рождается марксизм.

О русской философии почти гениально, а скорее мистически, в простом названии одной из главных своих работ – «Оправдание добра» – сказал В. С. Соловьев. Оправдание – вот центр, ядро русского философствования. Не разрушать прошлое, созидая настоящее, а паче того – будущее, а оправдать, т. е. понять, осмыслить и взять все самое лучшее и ценное с собой. В будущую жизнь, в будущую философию. А что нельзя взять с собой, то простить и оставить в прошлом, в прошедшем. И в этом главный пафос и главное предназначение русского народа и русской культуры. И если верить И. В. Кондакову, что слово в России стоит не только раньше всякого дела, но и определяет его [6], то как жаль, что не были написаны ожидаемые соловьевские «Оправдание истины» и «Оправдание красоты». Позже это понимание подхватит Н. А. Бердяев, в том числе и в названии: «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Правда, здесь *оправдание* уже уходит в подзаголовок. Может быть, потому, что прощать Бердяев почти не умеет? Чего стоит одна только история ссоры с Иваном Ильиным, лишь незадолго до смерти Бердяева закончившаяся примирением.

Прав был И. А. Ильин, когда говорил, что современные люди «...ожесточились в отрицании духа и любви... создали воинствующий мировой центр, хотящий словом и примером, лукавством и преступлением, мукой, нищетой, страхом и кровью навязать всему человечеству уклад бездуховный и противоположный, навязать всем людям слепоту безбожия и ожесточенность в этой слепоте» [2, с. 358]. Человек же безбожный, считал Ильин, не способен по природе своей к созиданию и творчеству – он способен только к разрушению и критике. Лишь человек, имеющий веру и твердые основания, подлинно свободен и может создавать новое, не бывшее, не существовавшее ранее, так как ему не надо оглядываться назад и тратить силы на разрушение существующего.

«Всякая настоящая семья возникает из любви и дает человеку счастье», – писал И. А. Ильин в работе «Путь духовного обновления» [4, с. 142]. Как сильно разнятся эти слова с тем, что нам приходится слышать и наблюдать последние несколько лет. Стало модно в различных СМИ, в первую очередь в столь распространенных сегодня на телевидении ток-шоу, доказывать (а скорее, даже пропагандировать), что брак – это, прежде всего, экономический договор. И, стало быть, самые крепкие браки – это браки по расчету. Расчет же может и не подразумевать любви, а строится на выгоде, иногда взаимной, иногда нет. Вспомним снова, что говорит Ильин: «Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости; там, где брак не дает человеку счастья, он не выполняет своего первого назначения» [4, с. 142]. Что же

это за «первое назначение»? Конечно, самым главным является воспитание ребенка (детей): «Воспитать ребенка значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности *самовоспитания*» [4, с. 152]. Только в счастливой семье, по мнению Ильина, ребенок может обрести знание о подлинных (искренних) человеческих взаимоотношениях и получить духовный опыт истинной свободы.

Проблемы семьи у Ильина тесно связаны с проблемами сохранения, сбережения культуры, потому что «...семья является первичным лоном человеческой культуры» [4, с. 142].

Русский религиозный философ Лев Платонович Карсавин говорил, что культура есть отражение всеединства человека. При этом, правда, добавляя, что достижения культуры есть нарушение этого всеединства: в культуре заложено нечто, что является выражением общности всех людей, но, достигнув этого общего, человек неизбежно выделяется из единого ряда людей, да и достичь этого состояния он может, только проявляя свою индивидуальность. Вероятно, стремление индивидуализироваться, выделиться и есть это всеобщее, что соединяет всех людей, делает их похожими друг на друга в этой своей непохожести [5, с. 166–167].

Для И. А. Ильина общей закономерностью, можно сказать, одной из главных функций семьи в культуре является то, что «...семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию» [4, с. 142].

Бесспорно, один человек не способен сохранить для истории, для последующих поколений даже малого объема культурной памяти и традиций, ибо человек не вечен. Для этого ему необходимо, чтобы было кому передать свои знания, мастерство, желательно, чтобы это был преемник, с молоком матери впитавший все это. Лучшей формой для этого является семья. Она представляется необходимой и достаточной для сохранения, функционирования и развития культурных традиций, самой культуры.

С семьей связана и еще одна функция культуры по отношению к отдельному человеку. *Культура* – это система, позволяющая человеку адаптироваться к определенным условиям жизни общества. Ребенок, осваивая язык, нормы поведения, духовное и материальное богатство, тем самым приспосабливается к самостоятельной жизни в обществе. Идеальной средой для подобной адаптации к окружающему миру выступает семья, где этот процесс происходит наиболее естественно.

Для Ильина «культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно и не требует всей полноты душевного участия» [3, с. 300]. Ильин видит сложный характер процесса творения

культуры, для него истинное ее созидание и сохранение не мыслится вне национальных пределов культуры. И не только вне национальных, но и вне семейных пределов оно невозможно. При этом подлинная культура всегда религиозна. Безбожная, атеистическая культура обречена на исчезновение, так как она бесплодна, потому что весь свой потенциал, все свои силы она направляет не на созидание, а на бессмысленную борьбу против религиозной традиции и культуры: «...безбожники всегда будут лишь трутнями и разрушителями культуры» [3, с. 358].

Трудно переоценить значение семьи, религиозной семьи (для России – православной). Оно – в сохранении и поддержании духовности, воспитании новых поколений в духе традиционной нравственности и, наконец, становлении патриотизма, который для Ильина был необходимым наполнением жизни каждого духовно здорового общества. «Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины» – лона моего рождения, и «отечества, земного гнезда моих отцов и предков – возникла из недр семьи как телесного и духовного единства» [4, с. 152], – пишет Ильин. Семья – это первый дом ребенка, именно здесь он осваивает первичное жизненное пространство, и только потом ему придется выходить в большой мир, лежащий за его пределами. И то, как человек будет чувствовать себя там, зависит от той меры тепла и любви, которую довелось ему получить в домашних пределах. Именно дом, родители закладывают будущий жизненный путь человека, можно сказать, проводят его социализацию. И так странно слышать сегодня упреки со стороны представителей социальных органов в адрес родителей, стремящихся воспитывать детей дошкольного возраста дома, не отдавая их в детские дошкольные учреждения. По меньшей мере нелепыми кажутся обвинения в том, что воспитание дома сдерживает процесс социализации и адаптации ребенка к обществу, к внешнему миру. Скорее наоборот, поспешно переданные на детсадовское воспитание дети должны вызывать большее беспокойство, так как они получают меньше опыта доброжелательного эмоционального контакта с миром. Только в семье ребенок может увидеть традиционные модели взаимоотношений между разными поколениями, между мужчиной и женщиной, мужем и женой. И именно поэтому так важно, чтобы между родителями были взаимоотношения, основанные на любви и уважении друг к другу, не говоря уже о том, чтобы в семье вообще присутствовали отец и мать, муж и жена, что, к сожалению, сегодня уже становится совсем неочевидным.

Взаимоотношения мужчины и женщины, мужа и жены, их благополучие и «нормальность» их отношений зависят от того, насколько удастся каждому действовать в своем пространстве. Мужчина чаще всего действует во внешнем пространстве – это его предназначение, его стихия, его смысл. Он стремится к расширению, к гегемонии, к овладению внешним, чужим, часто чуж-

дым ему пространством. Женщина овладевает пространством, непосредственно окружающим ее, принадлежащим ей, являющимся частью ее мира. Мужчина стремится преодолеть, покорять, женщина – приручать, благоустроить. Когда нарушается, исчезает возможность этой сопринадлежности своему пространству, рушится гармония отношений, равное партнерство. Когда женщине приходится решать проблемы не только обустройства своего мира, но и отстаивания своего места в этом мире, отдавать силы защите и борьбе с внешним миром, тогда возникает иллюзия ненужности мужчины, возможности самостоятельного существования и самодостаточности. Женщина вдруг осознает, что она может делать многое из того, что раньше делали только мужчины, что считалось исключительной принадлежностью мужского мира, частью мужской работы. Женщины начинают учить, лечить, воевать и т. д. Мужчина, не имея сферы приложения своих сил и возможностей за пределами замкнутого мира семьи, рода, этноса, государства, начинает терять смысл своего существования и ощущение цельности мира. Тогда он обращает внимание на ближний мир, на внутреннее пространство и обнаруживает, что многое из того, что считалось прерогативой женщины, способен неплохо выполнять он сам – мужчины становятся поварами, модельерами и т. д. *Такие состояния общества, системы, государства наступают в моменты кризиса. Или кризис наступает из-за этого? Кризис невозможности расширения, движения вовне.*

«Мы должны научиться чтить и любить, и строить наш семейный очаг – это первое, единственное гнездо любви, веры, свободы и совести, эту необходимую и священную ячейку родины и национальной жизни» [4, с. 182].

Литература

1. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994.
2. Ильин И. А. Кризис безбожия // И. А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 333–158.
3. Ильин И. А. Основы христианской культуры // И. А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 258–330.
4. Ильин И. А. Путь духовного обновления // И. А. Ильин. Собр. соч.: В 10 т. – М.: Русская книга, 1993. – Т. 1. – С. 39–282.
5. Карсавин А. П. Философия истории. – СПб.: АО «Комплект», 1993.
6. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк). – М.: Наука, 1994.
7. Кронштадтский И. Христианская философия: Избранные работы. – М.: Изд-во «Эксмо», СПб.: Terra Fantastica, 2004.
8. Тиллих П. Динамика веры // Тиллих Пауль. Избранное: Теология культуры. Пер. с англ. – М.: Юрист, 1995. – С. 132–215.